

НА ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

(воспоминания «лесника»)¹

В 1939 г. я работал лесным инженером в Слониме. Помню, как 18 сентября в Слоним вошли первые советские солдаты. Сразу же арестовали полицейских. Полторы недели продолжались бесчинства: в местечке Сынковиче банда молодых белорусов напала на дом старосты и сильно его избила. В местечке Деревянитничи такая же банда замучила всю семью члена местного самоуправления. Его самого дома не было, так они убили его 13-летнего сына, жену и мать-старушку.

Помню, повсеместно проводились митинги. На одном из них был сам. Жители Слонима были разделены на колонны по 50 человек. В основном это была молодежь. Отдельной колонной шли евреи. Проводил митинг политрук из Минска, Он выкрикивал лозунги: «Да здравствует Советский Союз! Ура! Да здравствуют Комсоветы! Ура! Долой панскую Польшу!» Он заявил, что Красная армия вступила в Западную Белоруссию и Западную Украину, чтобы освободить и защитить их от панской Польши. Очень аплодировали евреи. Митинг сопровождался оркестром.

Сначала новая власть организовала сельсовет – «вейскую раду». Затем административную власть в городе стало осуществлять Военное управление, политическую и полицейскую – РОМ (Районное отделение милиции) НКВД. Первым распоряжением новой власти было сдать оружие, второе – ликвидировать частные магазины, третье – организовать совхоз (PGR – польское фермерское хозяйство). Я сдал револьвер и штуцер. Все, кто жил сельским хозяйством, должны были передать землю, а также сдать свой инструмент и скот в колхоз и идти в него работать. Причем за работу в колхозе зарплату не платили. Если работник норму выполнял, то ему записывали трудодень. При невыполнении нормы трудодень не засчитывался. Сначала крестьяне – белорусы радовались колхозу. Когда поняли, в какую, еще худшую неволю, попали, стали говорить: «Поляки ополячивали нас 20 лет – не ополячили, большевики пришли – обольшевичили за полгода».

© Смоленский К., 2008

© Васильченко Т.Е., перевод на русский язык, 2008

¹ *Smolenski Kazimierz. Moje wspomni z przezyc...* Wroclaw, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze (PTL), Archiwum Naukowe, sygn. 374/s, maszynopis (mps), S. 10–218.

Новая власть организовала и лесхоз. Стали искать лесников. В Службе охраны лесов список прежних служащих был уничтожен. Стараниями евреев большевикам все же удалось восстановить его. И меня обязали работать в лесхозе. Новая власть не доверяла полякам, поэтому директором лесхоза и главным лесничим были назначены русские, приехавшие из Минска. А я, Врублевский и Юзеф Пневский стали работать рядовыми инженерами. В наши обязанности входило составление карт лесных участков. В окрестностях Слонима насчитывалось 100 тысяч га леса, из которых предполагалось вырубить 10 тысяч га. Вырубка леса шла по составленным нами картам. Так продолжалось до февраля 1940 г.

Ночью 10 февраля 1940 г. в дом, где жили мы с женой, вошли 3 солдата с карабинами, трое гражданских и офицер с револьвером. Офицер объявил: «Вы едете в ссылку вглубь СССР. Одевайтесь». Я посмотрел на часы, было 4 часа 30 минут. Когда я оделся, меня отвели в отделение милиции. Минут 20 я пробыл в милиции, потом меня вывели во двор. Во дворе уже стояли сани, в которых сидела моя жена с чемоданами и узлами. Но меня посадили в другие сани с мужчинами и повезли на железнодорожную станцию. Там нас с женой посадили в товарный вагон. Русские такие вагоны называли теплушками. А наш багаж погрузили в другой вагон. С собой можно было взять только самое необходимое. В вагоне из-за закрытых дверей и окон стояла непроглядная темнота. Свет проникал только из маленького в полу отверстия для физиологических нужд. Посреди вагона стояла печь, но она не топилась, и вагоне было холодно. На ощупь пробрались в угол. Оказалось, что нашими соседями по вагону был Юзеф Пневский с женой и 5-летней дочерью. Разговорились. Моя жена рассказала, что офицер дал ей на сборы полчаса. Велел взять одежду, постельное белье, продовольствие и посуду. От испуга у нее это плохо получалось, и двое гражданских – еврей и белорус-староста, – стали помогать ей. Благодаря их помощи она и успела собрать документы, в том числе мой диплом инженера-лесника и мой Серебряный Крест за заслуги, врученный мне 11 ноября 1937 г. Через несколько часов в наш вагон загрузили семью Зенбув – мать, две дочери и два сына. Муж ее остался в немецком плену. Старшей дочери Басе было 15 лет, а младшему сыну Юзефу – 10. Следующей стала татарская семья полковника Байрашевского. В войне 1919–1920 гг. он командовал полком «Jazda Tatarska» на стороне Польши против Советов. После войны вел хозяйство на полученных от правительства 40 га земли. Выслали его вместе с

семьей — женой, четырьмя дочерьми и двумя сыновьями. Его старшая дочь Лейла была очень красивой девушкой, училась на третьем курсе Варшавского университета. Вместе с семьей Байрашевских ехала и их кузина, тоже татарка с двумя малыми детьми. Муж ее был арестован. Всего в вагоне размещалось 28 человек. Наш эшелон заполнялся двое суток, после чего вечером 12 февраля пошел на Восток. Поезд шел очень медленно. Только через 6 суток доехали до Барановичей. Потом были Минск, Москва, Вологда. На линии Вологда — Архангельск проехали 4 населенных пункта, потом на станции Харовская нас выгрузили. Дальше в сопровождении офицеров и солдат НКВД повезли саними. На санях могли ехать только женщины и маленькие дети, а мужчины и подростки шли пешком, держась за сани. 1 марта ночевали в большом селе Лединское. Колхозники очень нас жалели. На девятый день достигли поселка Лугода. Часть людей осталась здесь, остальные поехали в поселок Передвижное, что за 15 км. В поселок привезли только людей. Багаж, уже почти без вещей, мы получили в июне.

Лугода был маленьким поселком над одноименной речкой. Речушка наполнялась водой только, когда таял снег. В летние месяцы она совсем пересыхала. С одной стороны речки был наш поселок, с другой — лесопункт Лугода Лединского леспромхоза треста Вологдалес. В спецпоселке располагалось несколько зданий — правление, пекарня, столовая, продовольственный магазин и медпункт. Немного поодаль находились 5 жилых барачков, конюшня и большой сеновал. Особняком стояло здание комендатуры, в одной половине которого жил комендант Гребенщиков. Нас с женой Гребенщиков определил в большой барак, где поначалу размещалось 15 человек: семья осадника Адамского из 7 человек, семья инженера Пневского из 3 человек, семья Зенбовой из 5 человек. Потом у Пневского родилась дочь, и в наш барак перешла жить сестра Пневского Мария. Так нас стало 19. В барачке было всегда холодно, печь почти не грела. Один день Гребенщиков дал на отдых, а потом собрал всех перед зданием комендатуры, и они с заместителем Шидаковым и начальником лесопункта Кузнецовым распределили всех на работы. Я говорил, что имею профессию лесного инженера, но меня определил укладывать бревна в штабеля.

Если я выполнял норму, то мог выкупить 800 граммов хлеба в день. На мою не работавшую жену можно было купить только 500 граммов. Хлеб в магазине продавали по государственной цене — 1 рубль за 1 кг. Утром вместо завтрака попьешь горячей воды

с хлебом и идешь на работу. Поскольку я работал в лесопункте, то мог обедать и ужинать в поселковой столовой. На обед можно было купить два вида супа: жижицу с крупой и картошкой, приправленную луком и растительным маслом, за 60 копеек или суп на костном бульоне с крошечными кусочками мяса за 1 рубль 40 копеек. Иногда бывал только один вид супа. На второе – ячменную или гороховую кашу с растительным маслом, иногда – жареный картофель с солеными грибами. Если волнушки солили в нашей столовой, то они были съедобны. Но один раз привезли соленые грибы из Лединска. Это уже была кисло-горькая масса, и ее никто не хотел покупать. Тогда комендант поставил условие: жареную картошку продавать только с этими грибами. Было и еще одно блюдо – солонина. 10 крошечных кусочков солонины стоили 10 рублей. До переселенцев это блюдо доходило редко, т.к. его разбирала администрация поселка.

От такого питания и тяжелой работы через две недели у меня начались боли в позвоночнике в районе крестца, а потом пошла моча с кровью. Молодая медсестра в медпункте сказала, что это болят почки, и нужно воздержаться от работы 1-2 месяца. Дала больничный лист на 10 дней и лекарство. Но лекарство помогало плохо, у меня поднялась высокая температура. Мне продлили больничный лист еще на 10 дней. Я тогда выжил. Однако в ту пору много людей умирало. У осадника Журавского умерли 2 дочери, у осадника Лахуты – трое детей, у лесничего Адаски умер сын. В семье осадника Бартохи умерла дочь. А потом начали умирать и взрослые. В мае умер 73-летний Севрюк. У него была интересная судьба. В 1920-х годах он вел фермерское хозяйство на 7 га земли. К ним он прикупил еще 8 га. Вот за свои 15 га земли и был депортирован, несмотря на возраст. Похоронили его на том же импровизированном кладбище, где и предыдущих 12 детей. Через несколько дней умер осадник Заруба, потом осадник Бартецкий. В полукилометре от Лугоды по левой стороне реки до Харино осталось много наших могил.

Когда снег растаял, жена снесла мое осеннее пальто в Харино и продала за 170 рублей, а другие вещи обменяла на молоко и яйца. Тем и поддерживали себя. В начале мая меня снова отправили рубить лес. Наверно, я тоже умер бы. Спасло то, что в июне перевели на сенокосные работы. В середине июля 1940 г. комендант отправил сына полковника Байрашевского Омара за документами в Лединск. Идти нужно было 65 км. Поэтому в провожатые Омару дали 16-летнего сына охранника Денетнина Петьку. Через несколько

дней Петька вернулся. А Омар — нет. Что случилось с Омаром, тот ничего сказать не мог. Полковник Байрошевский умер от тоски по сыну в декабре 1940 г. А в январе 1941 г. пришло известие, что областной суд приговорил Омара к 8 годам лишения свободы. А в марте 1941 г. вдове Байрошевского было видение: муж и сын приходили к ней. Грустное видение. Видимо, Омар умер в лагере. Это была не последняя смерть в нашем поселке. Старшая дочь Зенбовой Вацлава подвернула на работе ногу. Косточка на щиколотке сильно опухла. Ее отправили в больницу в Лединск, где она и умерла. Страшной трагедией для Адаски была смерть его жены. На его руках осталось семеро детей, старшему из которых исполнилось 12 лет. Восьмой, самый младший ребенок Адаски, умер вскоре по приезде в поселок. Адаска проклинал свою судьбу и советскую власть, которая его ни за что арестовала.

С конца июня 1940 г. в поселке начали строить школу, и к концу октября школьное помещение было готово. Оно было разделено перегородками на 4 классных комнаты. 3 молодых русских учительницы учили 30 польских детей. Одна из них вела русский язык, историю и пение, другая — математику и природоведение, третья — труд. На уроках истории учительница рассказывала о достижениях советского строя, о комсомоле. На пении учили песню о том, как кавалерия Буденного прогнала польских уланов.

Достижения советского строя мы чувствовали на себе. Осенью в магазин привезли крупу. Администрация взяла по 3 кг на семью по цене 1 рубль 20 копеек за килограмм, а нам продавали на семью всего по килограмму. Дали еще, правда, 3 кг хлеба на 5 рублей. В то время как 1 кг хлеба стоил 1 рубль. Несколько человек, среди которых был и я, возмутились. Через 2 недели в поселок приехал следователь. Всех опросил, написал протокол. При допросе присутствовал Гребенщиков, который все повторял: «Смоленский — польский солдат с 1920 г. Ненавидит русских. Нечего и разбираться. Арестовать — и все тут». Я протокол прочитал, поставил свою подпись. И следователь подал мне повестку в суд. 10 декабря 1940 г. Гребенщиков отправил меня на суд в Лединск. Шел я пешком 65 км. В Лединск пришел только к вечеру третьего дня. На ночлег остановился в Доме колхозника — местной гостинице. Ходил еще к адвокату, который выступал защитником в суде, но дома его не оказалось.

Суд начал работать с 9 часов утра. Слушали 4 дела: 2 по российским гражданам и 2 — по спецпереселенцам. Суд заседал в составе трех человек: председателя и двух заседателей. Меня приговорили

к одному году лишения свободы. Милиционер отвел меня из зала суда в маленькую, совершенно темную комнатушку. Примерно через два часа провели в кабинет, забрали все документы: военную книжку, Крест, который носил как символ и талисман; оторвали пуговицы от жилета и брюк, пряжку с ремня. Правда, оставили кошелек со 140 рублями. Стали заполнять анкету. В графе «гражданство» милиционер записал «СССР», но я заявил, что остаюсь польским гражданином. Очень зло он посмотрел на меня и ничего не стал менять. После заполнения анкеты меня отвели в камеру. Только вечером принесли кружку кипятка и кусок хлеба. 3 дня я находился в отделении милиции.

19 декабря 1940 г. всех нас, осужденных, погрузили на грузовик и повезли в Тотьму. В Тотьме первым делом пропустили через «вошебойку». Одежду мою поместили в жаровню минут на 40, я же ожидал голышом. Затем вернули одежду, но в канцелярии забрали кошелек. Вскоре конвоир отвел меня в камеру. Это была маленькая комнатка с крошечным зарешеченным окошком и тусклой лампочкой под потолком. В углу у дверей находился источник омерзительного запаха – параша. В камере уже сидело 12 человек, я стал тринадцатым. Нар тоже было 13. На них лежали только сенники – матрасы, набитые соломой. Сокамерниками были люди разных национальностей и осужденные по различным статьям. Среди них – адвокат, получивший 1,5 года тюрьмы за неуплату алиментов, парнишка-колхозник, осужденный на 3,5 года за кражу 75 кг жита, молодой переселенец-поляк с 3-летним сроком за драку с ровесником. Остальные также отбывали разные сроки наказания от 3 до 5 лет. Потом подсадили еще двух хулиганов – шпану. С утра всех арестантов вели в умывальню, за это время выносили парашу. Потом приносили завтрак – 700 граммов хлеба с кипятком. Ежедневно выводили на часовую прогулку во двор. По субботам была баня. Каждый вечер дежурный милиционер нас пересчитывал и спрашивал, какие есть вопросы. 21 декабря объявили, что на имеющие деньги могут купить хлеб и папиросы. Сначала я купил 700 грамм хлеба и 10 папирос, потом прикупил еще 5,5 кг хлеба и 70 папирос. Адвокат научил нас, как писать кассацию. Свою кассационную жалобу я отдал конвоиру. К концу декабря, когда в камере нас стало уже 43 человека, жил одной надеждой, что дело пересмотрят. И к моей радости в начале января 1941 г. офицер объявил мне, что областной суд заменил мне тюремное заключение штрафом в 200 рублей.

В Лугоду я вернулся 23 января 1941 г. Гребенщиков, когда узнал, что я сам писал кассационную жалобу, даже уважать меня начал. Стал обращаться ко мне на «вы», хотя всех звал на «ты». За время моего отсутствия соседи переселили жену в сени. Но жить там было совершенно невозможно, т.к. температура почти не отличалась от уличной. Тогда Гребенщиков перевел нас в другой барак. Помню, что зима 1941 г. была очень холодной и голодной. По ночам мороз достигал – 53 градусов. В такие дни на работу не выходили, а, значит, и заработков не было. Голод был такой, что между переселенцами бывали даже драки из-за продуктов. Я ходил за 40 км в колхоз, чтобы обменять вещи на картошку. Многие, у кого уже не было того, что можно обменять, умирали. Умер осадник с Келетчизны Святецкий, оставив жену и двух дочерей, осадник из-под Ломжи Радловский, оставив жену с четырьмя детьми, осадник Кужницкий. Рабочих рук становилось все меньше, и комендант обязал работать даже немощных. Моя жена была хрупкой и болезненной, но тоже чистила снег, колола дрова для печей. Иной раз за ночь выпадало так много снега, что приходилось чистить 30 – 35 сантиметровый слой. Работа была тяжелой. У жены опухли и потрескались ноги, но освобождения от работы ей не давали. В середине февраля 1941 г. бригаду из 21 мужчины, в том числе и меня, а также 4 девушек отправили на заготовку 7,500 кубометра сосняка (на 25 га) с делянки «Лесная», что в 25 км от Лугоды.

В «Лесной» нас поселили в отдельном бараке, разделили на 4 звена по 4 человека и 3 звена по 3 человека. Звеньевых мы выбирали сами, но двое русских следили за дисциплиной и работой. Я работал в звене вместе с 16-летним Романом Сергеем и Яном Лакутой – белорусом, депортированным за 6 га земли. Звеньевым был молодой сын осадника из-под Слонима Миселек. В день каждый из нас должен был вырубать по 8 кубометров древесины. За 1 кубометр платили по полтора рубля. При выполнении нормы можно было заработать 12 рублей. При выполнении нормы ежемесячно в течение полугода полагалась удвоенная зарплата, звеньевому же в этом случае доплачивали 3%. Но выполнить норму было сложно, прежде всего из-за условий работы. В 6.30 – подъем. На завтрак – жидкий картофельный суп. 3 километра до делянки нужно было пройти за полчаса. Рабочий день с 8.00 до 16.00. В 14.00 – перекур – непродолжительный отдых, когда можно было поесть хлеба. И снова – работа. По возвращении в «Лесную» шли в столовую, где покупали суп и 1 кг хлеба. Недели через две порцию хлеба уве-

личили до 1,5 кг. В 21.00 – отбой. Было установлено ежедневное дежурство по бараку. Дневальный не выходил на работу в лес, но целый день топил печи, а по субботам еще и готовил баню.

Когда вскрылась река, нашу бригаду отправили на сплав. Бревна скатывали к берегу и гнали по воде, баграми растаскивая заторы. В июне 1941 г. начальник лесопункта Кузнецов объявил, что каждая семья может вскопать себе огород в 15 соток и взять навоз из колхоза. Мы так с женой и сделали, посадили 10 кг картошки и немножко моркови. Хороший урожай вырос. 23 июня Гребенщиков объявил, что началась война между СССР и Германией. Вскоре в поселке арестовали несколько мужчин, в том числе и Адаску. Его трое детей остались без опеки. В середине августа объявили амнистию. Мне и Пневскому, как имеющим высшее образование, разрешили работать в леспромхозе в Лединске. Но Пневские и Радецкие сразу решили ехать в армию Андерса, сославшись на тяжелый северный климат. Напоследок Пневский положил свой нателный крест на могиле своей дочери и нацарапал на дощечке: «Хануса Пневска, жила 10 месяцев. Умерла 9 августа 1941 г.» Желающим выехать дали подводу до Тотьмы (110 км). А я пошел в канцелярию лесопункта за документами, где с меня высчитали в счет штрафа 40 рублей. На дорогу, как уже работнику леспромхоза, дали провиант: 2 кг хлеба, 200 граммов сахара, 200 граммов говяжьей колбасы да пачку махорки. Так закончилась моя 18-месячная лугодская ссылка.

В Лединском леспромхозе определили меня работать в «Лесной сектор» под руководством старшего лесничего Барышкина, в то время как инженером лесного хозяйства работала женщина со средним образованием. Дали нам с женой домик с двумя окошками. Посреди дома стояла большая русская печь, а из мебели – только стол, табурет и лавка. В сентябре ездили с женой в Лугоду, накопили с нашего огородика 3 мешка картошки. Заодно узнали новости. Еще несколько семей уехали в армию Андерса, другие перебрались в колхоз в Харино. Зима 1941–42 гг. была очень суровой и голодной. В столовой нам с женой давали 200 граммов хлеба и жидкий суп. Стали менять последние вещи на продукты: за рубашку выручили пуд картошки, а за мой костюм 50 кг жита. В первых числах марта из Лугоды пешком пришла Сергеева с 17-летним сыном. Там оставалась работа только на лесоповале, а хлеб давали из испорченной муки.

Как только начал таять снег, в нашем домике случился потоп. Я подыскал другую избу – большую, с русской печью, столом и табуретом, за которую ежемесячно платил 15 рублей. Хорошо, что

при доме был огород в 80 квадратных метров. Из Лугоды приезжал Журавский, рассказывал, что там был представитель польского посольства в Куйбышеве. Посмотрел условия жизни и работы, наметил план, чем можно помочь. Ходил на кладбище, насчитал 158 могил. По весне перевели меня на работу в лесопункт «Кадниковский разъезд» треста Вологдалес. Моя работа заключалась в контроле за вырубкой. На меня продавали 600 граммов хлеба в день. Жена тоже работала — носила воду в столовую, но на нее продавали только 400 граммов хлеба. От авитаминоза у нее опухли руки и ноги. Тогда я написал письмо в Наркомлес с просьбой перевести меня на работу в лесхоз, т.к. я имею высшее образование инженера-лесничего. Через две недели пришел ответ об удовлетворении моей просьбы. В сентябре 1942 г. съездил я в Областное Управление лесоохраны в Вологде, директор которого предложил мне место инженера лесного хозяйства в Кадуйском лесхозе.

Каду́й был районным центром в 170 км от Вологды. Здесь, помимо лесхоза, был леспромхоз и большой колхоз с 800 га земли. Был и экстрактно-винный завод, производивший вино, более похожее на квас, подкрашенный в красный цвет и имевший небольшое количество градусов. Я начал работать инженером лесного хозяйства с окладом в 400 рублей, а директор Александр Васильевич Иванов стал подыскивать нам с женой жилье. Но в Кадуе с жильем было трудно. Мы жили то в Доме колхозника, то в канцелярии лесхоза, пока директор не предложил мне переехать в лесничество Заяцкое, что в 30 км, где жилье было. В начале октября мы с женой переехали в Заяцкое. В лесничестве было подсобное хозяйство на 8 га земли. За отсутствием техники землю копали вручную женщины из соседних Кузьминок: за сотку — 1 кг хлеба. Здесь я составлял карты лесных угодий, выдавал лесорубочные билеты.

С марта 1943 г. перевелся в Каду́й под начальство лесничего Сергея Ильича Фомина. Это был человек спокойного нрава, не формалист и не теоретик, отец четверых детей. Его старшей дочери было 14 лет, а младшей — 3 года. Выжить их семье помогал огород в 15 соток земли да охота на ворон. Фомин имел среднее образование и был беспартийным. Другим работником в лесничестве была секретарь Лидия Кирилловна Цветкова, мать двоих сыновей 8 и 6 лет. Ее муж погиб на войне. В лесничестве я отводил делянки для рубки. Делянки размером 20 м на 20 м выделялись «ленточным способом». Сначала я собирал данные на местности. Это было делом непростым, т.к. снегу в лесу было по пояс. Потом обрабатывал

данные и наносил лекало-фигуру на карту. Дровесина делилась на 3 категории: деловую, полуделовую и отходы. На территории нашего лесничества располагалось 9 делянок, которые контролировали объездчики Ушков и Барышин. Председатель колхоза разрешил мне взять 3 сотки земли в 10 км от Кадуя. Вместе с женой мы вскопали землю под огород, потом я натаскал ведрами навоз из колхоза. Посадили картошку, морковь, свеклу, капусту и махорку.

В 1943 г. часто бывал в библиотеке в Кадуе, читал газету «Красный Север». Из нее узнал о победе Красной армии под Сталинградом, о расстреле немцами польских офицеров в Катыни, о гибели генерала Сикорского в Гибралтаре. Это стало страшной утратой, ведь генерал Сикорский воспринимался как символ суверенитета Польши. Он твердо отстаивал принадлежность отошедших в 1939 г. СССР территорий Польши. Эту позицию не разделял ни Сталин, ни Черчилль. Тогда я думал, что, скорее всего, гибель Сикорского организовали СССР и Великобритания. Одолевали мысли о нашей дальнейшей судьбе.

Вскоре один из объездчиков рассказал, что в районной милиции обо мне наводят справки, и его обязали запоминать и передавать все наши разговоры, особенно о политике. Но объездчик не хотел этого делать, сказав мне, что он православный, а в православии донос — это грех. Подбирались ко мне и с другой стороны. Директор лесхоза Иванов предлагал мне поменять мою хворую жену на другую. А Иванов помог бы мне в этом. Сам Иванов расстался с женой и 15-летней дочерью и стал жить с молодой поварихой Валею. Я ответил, что воспитание не позволяет мне оставить человека, потерявшего здоровье. Вскоре пришла соседка Петровна и объявила, что нашу избу отдали ей. Я попросил подождать, пока подберу другое жилье. В этом мне помогали и секретарь Цветкова, и лесничий Фомин, и объездчик Ушков. Но свободного жилья не находилось. А Петровна, проявляя нетерпение, стала нас постепенно выживать. Сначала забрала табурет, потом стол. Фомин нашел для нас часть барака в 3,5 км от Кадуя в поселке Судской Рейд над речкой Судой. Это была просторная комната с большим окном и единственной печью на все помещения. Из мебели — только стол да два табурета. Лесничество выделило нам две койки и помогло перевезти вещи и собранный урожай — около 100 кг картофеля.

Зима 1943–44 гг. наступила рано. Уже в ноябре мороз достигал 20 градусов. Работать мне пришлось в отдаленном от Кадуя урочище. Я обслуживал 9 делянок на 65 га леса. На их обход уходило

5 дней. Я все время беспокоился о жене. Она сильно разболелась, а печь нужно было топить 2 раза в день. Просил в лесхозе лошадь для объезда, но получить ее было совершенно невозможно. Лесхоз располагал только слабой 20-летней кобылой и конем, на котором развозили хлеб из кадуйской пекарни в 3 столовые в радиусе 30 км. Поэтому старался быстрее совершить обход и вернуться.

Помню Рождество 1943 года. Я принес из леса елочку, а украсить ее было нечем. Жена прикупила у старика-соседа рыбу. Он был дряхлым и работать не мог. Его пенсии в 80 рублей хватало на 3 кг хлеба по рыночным ценам. Поэтому он ловил и продавал рыбу. Жена поджарила рыбу с картошкой. Так отмечали мы четвертое Рождество в СССР. Конечно, можно было взять в лесхозе мясо павшей 20-летней кобылы, но я отказался. На семью Березиных дали 5 кг. У Березина было 3 дочери и 12-летний сын. Парнишка переел этого мяса и умер.

В Судском Рейде было значительно теплее, чем в Лугоде. Столбик термометра здесь никогда не опускался до 50 градусов. Но сильные ветры выдували тепло из избы так, что мы с женой спали в шапках-ушанках, а вода в ведре к утру покрывалась корочкой льда. По весне выделили нам 3 сотки под огород. Не земля, а сплошной песок. Пришлось не только навозом удобрять, но и под каждую картофелину класть прелую траву. Сосед научил, как сделать забор из жердей без гвоздей. Помню радостное событие – десант союзников в Нормандии. Вся советская пресса только об этом и писала. Хотя что-то грело душу. К июлю стало совсем голодно. Старая картошка закончилась, а новая еще не выросла. И в лесу неурожай грибов и ягод. Иногда удавалось купить у соседей яиц по 15 рублей за штуку, молока по 50 рублей за литр да хлеба по 25 рублей за килограмм. Очень помог новый директор лесхоза Журавков. Он продал мне из запасов лесхоза 3 пуда картошки по 21 рублю за пуд, тогда как по рыночной цене я заплатил бы 120 рублей за пуд. На возражения других работников ответил: «Надо поддержать нужного человека». И помощь эта была нам очень кстати. В конце августа 1944 г. привезли в Судской Рейд группу крепких мужчин – украинцев из-под Полтавы. Я познакомился с одним из них. Он добрым словом вспоминал немецкую оккупацию и борца за независимость Украины генерала Власова. По его словам, немцы дали каждой семье по 2 га земли под огород, а третий гектар – под кукурузу. Так что весь год семьи имели пропитание. Преследованию немцев подвергались только коммунисты, простых же крестьян не трогали. А когда при-

шла Красная армия, снова организовали колхозы, а потом и крепких хозяев выслали. Так и вспомнил соседей - осадников.

Рождество в 1944 г. встречали так же скудно, как и предыдущее. Жена заболела воспалением легких. С трудом договорился, чтобы в лесхозе дали лошадь отвезти ее в больницу в Кадуй. Врач настоятельно рекомендовал поить жену парным молоком. 2 недели ежедневно носил ей свежее молоко, чтобы только она поправилась. В конце мая 1945 года жену выписали из больницы. И хорошо, что не раньше. В доме было опять по-прежнему холодно. Только клопы не вымерзали. Один из них ночью даже забрался ко мне в ухо, так что фельдшерица Козлова вымывала его водой.

Помню, как 9 мая 1945 г. все жители Кадуя слушали по радио слова Левитана о безоговорочной капитуляции Германии и конце войны. Все целовались, обнимались. А лесничий Березин стал поздравлять меня со скорым возвращением домой в Польшу. Директор Журавков выделил деньги на коллективное угощение. Купили несколько бутылок вина на экстрактно-винном заводе. Откуда-то достали водки. Праздновали со слезами на глазах. А вечером я через тонкую перегородку барака подслушал, как проходило комсомольское собрание в соседней комнате. Девушка, видимо, председатель местной комсомольской организации, призывала молодежь поселка слушать во все уши разговоры вокруг и рассказывать о них в районной милиции. Якобы это — долг комсомольца. Запомнил еще один интересный случай: в соседнее село Бабино приезжал председатель райисполкома, произнес торжественную речь, а потом, как всегда, стал отвечать на вопросы. Одна колхозница задала вопрос: «Войну мы выиграли, победили. Когда колхозы распустите?». Для меня это было большим удивлением. Как оказалось, простые крестьяне вовсе не поддерживали колхозы, считали их страшной бедой и работать за 400 граммов зерна на трудодень считали неправильным. В наступившей тишине первым опомнился председатель колхоза: «Что ты брешешь, дурная старуха. Колхозы должны быть как оплот социализма в деревне». Председатель райисполкома сразу поддержал его. Потом я уже понял, что председатель колхоза спас этой женщине жизнь.

Месяца через четыре после окончания войны стали возвращаться демобилизованные, но из них только один был здоровым. Он рассказывал, что в 1943 г. попал в плен и работал в хозяйстве близ Торуня. Хозяйство было большим: 8 га земли, 4 коровы, бык, конь, свиньи. Но кормили досьга, потому и справлялся с работой. Говорил, что хорошо бы колхозы заменить такими вот хозяйствами.

В декабре 1945 г. вызвал меня к себе начальник районной милиции. Стал спрашивать, хочу ли я остаться в Советском Союзе навсегда. Я ответил, что, мне тяжело переносить суровые северные зимы. Тогда он велел написать заявление о моем желании вернуться в Польшу для того, чтобы направить запрос в Вологду. В феврале 1946 г. снова вызвал меня к себе. Сказал, что мы с женой должны предоставить по 3 фотографии и документы о нашем польском гражданстве, заверенные в сельсовете. Забавно, что председатель сельсовета, заверяя наши документы круглой печатью, написал: «Польского языка не знаю. Русский текст заверяю». В конце февраля секретарь Кадуйского сельсовета сообщил мне, что нам разрешено выезжать во второй половине марта 1946 г. Предложил участвовать в выборах в Верховный Совет СССР, но я отказался под предлогом скорого отъезда.

Стали мы с женой потихоньку собираться. Продали часы жены за 1800 рублей, купленные ей на именины за 200 злотых. 4 марта 1946 г. директор лесхоза ознакомил меня с приказом о моем увольнении с 18 марта 1946 г. в связи с выездом в Польшу. До 18 марта я должен был сдать межевые и чертежные инструменты. Со всеми я распрощался. Фомин тихо сказал: «Как жить дальше. Жалованье 100 рублей, четверо детей и жена больная» и горестно так махнул рукой. Душевно простились мы с секретарем лесничества Лидией Кирилловной Цветковой. Узнала о нашем отъезде одна молодая работница лесхоза, девушка 18-19 лет. Попросила забрать ее в Польшу, как дочь. Да только райкомендант разрешения на ее выезд не дал. Еще одна работница лесхоза Лидия Васильевна сказала, что так устала от советских порядков, что спасу нет, и завидует нашему отъезду в Польшу. Ее мужа не известно за что арестовали в конце войны, и о его дальнейшей судьбе она ничего не знала. Напоследок меня обязали купить 2 облигации на 997 рублей, сказав, что я смогу их обменять на деньги на границе. Так закончилась моя 3-летняя служба в Кадуйском лесничестве. Леса здесь прекрасные, люди добросердечные и до помощи отзывчивые, только климат суровый.

Санями доехали мы с женой до Кадуя. Жена осталась с вещами на вокзале, а я пошел в милицию за документами. Дали мне 2 репатриационных удостоверения и предупредили, что в случае их утраты мы никогда не сможем выехать из СССР. Все записи в документе были сделаны на двух языках: с левой стороны по-польски, с правой стороны – по-русски. На правой стороне было написано: «Польско-советская комиссия по делам эвакуации лиц польской и

еврейской национальности. Решение № ТЕ 00400 от 6 июля 1945 г. Гражданин Смоленский Казимир, сын Яна, проживающий в Вологодской области, Кадуйском районе, поселке Судский Рейд выезжает с членом своей семьи – женой – на проживание в Польшу. 27 февраля 1946 г.». Здесь же была вклеена фотография и стояла печать. Большая круглая польская печать заверяла собой тексты на обоих языках. На вокзале застал я Березина, приехавшего нас провожать. Березин сводил нас с женой в столовую лесхоза, где нам даже положили порцию второго с собой. Ночлег был на вокзале. Только к вечеру второго дня нас погрузили в проходивший товарный поезд. Люди вместе с вещами полтора часа ехали на открытой платформе 40 км до Череповца. В Череповце поезд остановился в полукилометре от вокзала. Вещи тащили на себе.

Начальник станции вписал нас с женой в список поляков, выезжавших в Польшу, и выдал нам разрешение ждать поезд в зале ожидания. Но добавил, что все поляки живут в городской гостинице за свои деньги, т.к. никто не знает, когда будет эшелон. Питаться можно ходить в столовую сельпо, в 1 км от вокзала. Ночь мы переночевали на вокзале, а с утра, сдав 4 чемодана по три с половиной рубля в сутки за место, пошли искать столовую. И каково же было мое изумление, когда я увидел в столовой тех «поляков», вместе с которыми нам предстояло ехать в Польшу – это были евреи. По репатриационным документам нам с женой продали 4 тарелки супа по 1 рубль 70 копеек за порцию и на 1 рубль 1 кг хлеба. В ожидании поезда пришлось ночевать на вокзале 3 ночи. Познакомился с молодым инвалидом. Парень рассказал, что попал под Курском на мину, потерял ногу. Теперь он добирался домой. Его семья жила в 20 км от Череповца, но райисполком никак не давал подводу. А на месячное пособие в 90 рублей он не мог сделать это сам. Лошадь ему дали только через несколько дней.

На четвертый день подали и наш состав – на 3-м пути стояло 5 товарных вагонов-теплушек. В нашем вагоне разместились еще 5 еврейских семей – 9 взрослых и 4 детей. Вместе с нами – 15 человек. Нашими соседями была семья еврея Шашухи. То был добрый кузнец и жена у него приветливая. Мы даже подружились, хотя отношение поляков к евреям было негативным. В вагоне ехал еще молодой еврей в форме красноармейца с орденом Красной Звезды на груди. Рассказывал о своей службе в разведке. Была еще бездетная пара Блумбергов. В другом углу располагались две мамы с сыновьями. У одной 9-летний мальчик-эпилептик, который часто жаловался

на головные боли. Сын другой – 4-летний мальчуган, – был очень смышленным, и часто приходил ко мне поболтать. В день посадки 18 мужчин нашего поезда отправились искать топливо для печек в вагонах. В полутора километрах нашли дровяной склад, где им разрешили взять 2-метровые сосновые стволы. Они были плохо просушены и очень тяжелые. На плечах мы перетаскали их к вагонам, где распилили и покололи.

Вологды достигли пополудни следующего дня. Здесь жили трое суток в вагонах, ждали еще один поезд с репатриантами из Архангельска. Узнали, что на запасном пути уже стоит прибывший ранее поезд с поляками. Пошли искать знакомых. Из соседей по Лугоде была семья Искры – он, жена и дочь. О сыне он знал только то, что тот где-то в Египте. Нашли пани Зембову с сыновьями Лоськем и Юзефом, пани Венцковскую с дочерью и сыном (2 ее старших сына служили в Польской армии), Адаску с 7 детьми (на лугодском кладбище он оставил жену и сына). Из Байрашевских не было никого. Полковник с женой умерли еще в Лугоде, след сына Омара затерялся в лагере, дочери Зофия и Дженка уехали в армию Андерса, а Лейла с младшим братом и сестрой выехали на Украину еще в 1944 г. Зато ехали Чернушовичева с двумя сыновьями, Мазуркевичева с тремя сыновьями. Всего в этом эшелоне находилось 80 человек. Причем не только с Лугоды, но и из Передвижного и из-под Тотьмы. Горько это все.... В феврале 1940 г. в Лугоду прибыло 850 поляков, 250 из которых так и осталось в ее земле. Сколько-то ушло в армию Андерса, потом Берлинга, 120 человек выехало в 1944 г. на Украину....

На третьи сутки пришел эшелон в 15 вагонов из Архангельска. К ним прицепили наши вагоны. И в седьмом часу вечера 27 марта 1946 г. наш состав из 20 вагонов вышел из Вологды. Сначала на Великие Луки, потом на Полоцк. На станциях по репатриационным документам мы могли покупать в буфете по 500 грамм хлеба на человека и жидкий картофельный супчик. На третьи сутки пути в Полоцке была длительная остановка. В Бресте–над–Бугом нас пересаживали в польские вагоны, тоже товарные, только без нар. Пока шла перегрузка, я сходил на станцию, чтобы узнать о возможности обмена облигаций на деньги. Но там сказали, что не имеют таких полномочий. В ночь с 31 марта на 1 июня 1946 г. наш поезд пересек польскую границу. Начиналась новая жизнь.

Воспоминания писались с 23 ноября 1985 г. по 25 июля 1990 г.